

14 июня 7017 года

По общему летосчислению этот день должен был стать самым обычным, но вошел в историю как дата крупнейшего за последние три века сбоя межзвездной связи. Проблема коснулась не только Большого Магелланова Облака — две трети из ста девяноста трех обитаемых звездных систем оказались мгновенно отрезаны от остального человечества.

Восстанавливать каналы начали лишь восемь часов спустя. Из-за колоссальной разницы во времени и чудовищных задержек сигнала колонии выдвигали самые противоречивые версии случившегося. Однако пока общественность строила догадки, правительство, чья резиденция находилась на Титане — политическом сердце цивилизации, — хранило зловещее молчание.

Происходящее казалось невероятным. Ежедневно в изученном космосе бушевали миллионы электромагнитных штормов, но ни один из них никогда прежде не приводил к столь катастрофическим последствиям. Вышли из строя не просто гражданские ретрансляторы — во время гиперперехода потерял управление флагманский сверхтяжелый крейсер Военного ведомства. О подобном раньше никто и помыслить не мог.

Где-то на периферии информационного пространства проскользнула новость о побеге государственного преступника первой категории. Однако сама личность беглеца и подробности суда над ним были стерты из памяти людей, поэтому сенсации не случилось — на фоне глобального коллапса эту деталь попросту не заметили.

Человечество вышло к звездам всего тысячу лет назад, и хрупкий порядок в диких, не до конца освоенных мирах по-прежнему держался на штыках военных. Неудержимо нарастала паника, и люди ждали, когда наконец подаст голос армия в лице своего самого грозного представителя — маршала Йоханнеса Зекта. Особенно остро это безмолвие ощущалось в Большом Магеллановом Облаке.

— Если вы требуете, чтобы я врал людям в глаза, забудьте! Я не стану марионеткой в вашем балагане! — маршал Йоханнес Зект в ярости швырнул фуражку на полированный стол.

Двухметровый гигант, закаленный в боях, он обладал такой сокрушительной харизмой, что в моменты его гнева даже матерые Альфы инстинктивно вжимали головы в плечи.

Однако стоявший перед ним человек даже бровью не повел. Он лишь устало вздохнул:

— Маршал, без поддержки Ассоциации академий господин Президент даже слушать вас не станет. Так что убавьте тон. Мы не в зале заседаний Сената, и ваши крики на меня не действуют.

Собеседником маршала был председатель Межзвездной ассоциации академий Планк Вейль. Тоже Альфа, хоть и не обладавший столь выдающимся ростом, Вейль умел держать удар. За безупречными манерами и вежливой улыбкой скрывалась железная, несгибаемая воля.

— Это его рук дело! Только этот ублюдок способен на такое! — Зект стиснул зубы, его глаза налились кровью. — Какого черта ты не прикончил его тогда, Планк?! Из-за кого? Из-за чистоплюев из Ассоциации содействия защите прав Омег? Да за то, что он задумал, его мало было расстрелять тысячу раз!

— Я и так фактически отправил его на тот свет! — Планк до белизны сжал кулаки. — Всё, что от него осталось — замороженный мозг в криокамере!

— И где теперь этот кусок мяса? Сбежал! — Йоханнес презрительно хмыкнул. — Даже не думай, что в этот раз я стану выгораживать тебя перед Президентом и Советом. Я предам огласке все его преступления. Мы пустим его лицо по всем инфоканалам и объявим в общегалактический розыск!

— И заодно расскажешь Президенту, как в обход протоколов безопасности «Оуэна» поднял по тревоге весь военный флот и мобилизовал боевые мехи в обитаемых секторах? — Планк с раздражением покачал головой.

— Если бы я этого не сделал, этот гад усыпил бы защитные системы кораблей и ушел прямо у нас под носом!

— Ну и как, поймал? — Планк развел руками. — Ты бросил передовую, примчался сюда, забил орбиту тоннами летающего железа... И что? Пшик! Он испарился. Зато из-за твоей паники и несогласованных маневров на орбитах столкнулись десятки бортов. Потери среди гражданских и военных сейчас выше, чем при штурме какого-нибудь пограничного сектора! Я посмотрю, как ты будешь отдуваться перед Сенатом.

Маршал осекся. Тяжелое дыхание со свистом вырывалось из его груди, лицо стремительно бледнело. словно внезапно постарев на десяток лет, он тяжело опустился в кресло.

— Да... ты прав. Но мне плевать на трибунал. Я выслежу эту тварь. Даже если придется сжечь половину обитаемых миров.

— Я знаю, — уже мягче произнес Планк, возвращая себе хладнокровие. — И поверь, я скрываю правду не из жалости к нему. Мои слова не были угрозой. Как главный ученый Ассоциации, я возьму на себя корректировку логов «Оуэна» и подготовлю для правительства официальный отчет, который устроит всех. Но ты должен пообещать мне: перед прессой и президентом мы преподнесем этот коллапс как техногенную аварию. Никто в Галактике не должен узнать, что замороженный мозг ублюдка совершил побег и едва не обрушил всю систему связи человечества. Нам не нужны бунты и паника.

Йоханнес долго, пронзительно смотрел на ученого, словно пытаясь разглядеть дно в его темных глазах.

— Надеюсь, ты искренен со мной, Планк. Потому что кровь каждого погибшего сегодня — на

его руках.

Его преступлениям не было прощения.

Ближе к полуночи по единой инфосети наконец пустили экстренное обращение Президента. На экранах, помимо главы государства, суровыми изваяниями застыли высшие чины Военного ведомства во главе с маршалом Зектом. Президент вещал спокойно, уверенно, списывая произошедшее на аномальный пространственный резонанс.

Пока спасательные службы стягивали силы к пострадавшим секторам для эвакуации выживших, обыватели облегченно выдохнули. Мир, пошатнувшись, медленно возвращался в привычную колею.

Разумеется, в официальных военных сводках, какими бы подробными они ни казались, не упомянули об инциденте у планеты Освальд. В тот момент, когда флагман лишился управления, прямо по курсу неся неуправляемый универсальный мех. Огромная машина крейсера просто не могла уклониться от столь мелкого препятствия.

Корабль шел на маршевых двигателях, генерируя вокруг себя чудовищную гравитационную волну. Шансов выжить у пилота жестянки, попавшего под этот энергетический молот, практически не было. Но в масштабах вселенской катастрофы это происшествие посчитали несущественной погрешностью. Военные резонно рассудили, что местный гарнизон Освальда разберется с поисками самостоятельно.

Гарнизон Освальда честно пытался прочесать сектор, однако спасение дрейфующих в ближнем космосе машин было в приоритете. Когда спасатели наконец смогли развернуть радары в сторону дальних рубежей, след лейтенанта Герса Шлиффена уже давно простыл. Его маяк молчал.

Был ли он жив?

Этого не знал никто. Кроме него самого.

Когда к Шлиффену вернулось сознание, первое, что он сделал — осторожно пошевелил пальцами рук и ног. К его величайшему облегчению, все конечности оказались на месте. Страховочные ремни намертво фиксировали тело в пилотском кресле, а внутренности, вопреки ощущениям, не превратились в кашу и оставались внутри. В занемевших пальцах была зажата пустая ампула эссенции первой помощи — именно этот стимулятор стабилизировал упавшее давление, заставил легкие дышать, а мозг — восстановить нейросетевую связь с мехом.

Крейсер «ВК-ВИБ» оказался настоящим левиафаном. Поднятый им гравитационный вихрь

швырнул легкую машину Шлиффена обратно в зону электромагнитного шторма. Перед тем как отключиться, Герс успел вогнать в артерию ударную дозу препарата. Двойная порция химии отозвалась дикой, свинцовой усталостью во всем теле, но, по крайней мере, бортовой искин «Оуэн» подавал признаки жизни. И слава богу — третьего шприца у лейтенанта не было.

— Оуэн, статус и координаты, — хрипло выдавил Герс.

— Господин лейтенант, вы находитесь на планете SWEEPS-98167, — ровный синтезированный голос искина прозвучал на удивление чисто. — Состав атмосферы пригоден для дыхания. Температурный режим и влажность в пределах нормы, уровень радиации не превышает допустимых значений.

Герс с усилием пошевелил рукой и активировал тактический терминал на запястье.

Название планеты ему ни о чем не говорило. Шлиффен никогда не утруждал себя запоминанием безликих цифровых индексов, которыми картографы клеймили заштатные миры периферии. Встроенный биочип сиротливо сигнализировал об отсутствии связи с глобальной сетью — Герс не мог ни определить расстояние до Освальда, ни отправить аварийный маяк. Единственным источником информации служила короткая автоматическая запись логов. Судя по кадрам, его мех на огромной скорости вошел в гравитационный колодец серого гиганта. В самый критический момент, когда столкновение казалось неизбежным, «Оуэн» сжёг последние капли топлива на корректирующий импульс. Машину, словно пущенный из пращи камешек, швырнуло по касательной обратно в космос, где ее благополучно захватило притяжение естественного спутника SWEEPS-98167. На этот безжизненный кусок скалы они в итоге и рухнули.

«Хвала военпрому Федерации и создателям „Оуэна“», — мысленно выдохнул Герс. Этому железному ведру понадобилось всего три минуты, чтобы просчитать траекторию спасения и вытащить его из пасти неминуемой смерти. Чувство чудесного спасения пьянило не хуже кислородного шока.

Откинув фиксаторы, Шлиффен с трудом приподнялся и вручную разгерметизировал кабину. Стоило прохладному, пахнущему незнакомыми минералами ветру коснуться его лица, как во рту отчетливо проступил солоноватый вкус крови.

— Вот же дерьмо, — пробормотал Герс, выплевывая на ладонь обломок коренного зуба. С регенерацией Альфы новый вырастет быстро, но свистящая дыра во рту все равно будет раздражать как минимум сутки.

Мех завалился на бок в весьма нелепой позе, так что кабина оказалась почти у самой земли. Сила тяжести здесь была чуть ниже стандартной земной — прыжок не грозил вывихом, но Герс медлил. Осторожность въелась в его подкорку. Он не был регулярным военным, и хотя его работа частенько балансировала на грани выживания, воевать ему приходилось исключительно с людьми. Встретиться лицом к лицу с неведомой ксенофауной сразу после жесткой посадки в его планы не входило.

Спутник вращался вдали от местной звезды, но бездонный купол неба дышал мириадами чужих светил. Острое зрение Альфы позволяло отчетливо различать рельеф даже в густых сумерках. Вокруг раскинулась бескрайняя каменистая равнина. Землю покрывал сплошной ковер из каких-то темно-синих нитей, которые медленно, волнообразно колыхались, напоминая текущую воду. Направив на них портативный анализатор, Шлиффен запустил экспресс-тест.

— Объект идентифицирован: язычковая трава, — отозвался динамик.

«Кремнийорганическая форма жизни. Абсолютно несъедобна», — с досадой подумал Герс. Разочарованно вздохнув, он залез обратно в кабину и вытащил из ниши аварийный ранец.

— За какие грехи мне всё это? — проворчал он в пустоту. Желудок тут же отозвался требовательным урчанием, напоминая, что запасы энергии на исходе.

— Критический уровень бортовой энергии. Перехожу в режим гибернации, — бесстрастно доложил «Оуэн».

Герс замер с открытым ртом.

— Отключение питания.

Шлиффен лишь молча помянул всех чертей. Вздохнув, он перекинул лямку рюкзака через плечо и спрыгнул на мягкий ковер чужой флоры.

Стебли язычковой травы беззвучно сминались под тяжелыми армейскими ботинками. Она пружинила, словно толстый ворсистый ковер. Хотя пользы от кремниевых растений не было никакой, у них имелся один неоспоримый плюс: там, где они росли, практически никогда не заводились крупные хищники. Кремниевая экосистема неохотно делилась ресурсами с углеродной жизнью. Осознание этого факта немного уняло паранойю. Перед тем как уснуть, «Оуэн» успел спроецировать на линзу его очков навигационную метку. Поправив лямки тяжелого ранца, Герс двинулся вслед за мерцающей зеленой стрелкой.

Стандартное время Федерации здесь потеряло всякий смысл. Местный спутник вращался вокруг своей исполинской планеты по замысловатой, почти хаотичной орбите. Когда из-за горизонта медленно поползла колоссальная тень газового гиганта, затмевая звездный купол, температура на поверхности резко упала. Равнину прорезал ледяной, свистящий ветер. В сгущающемся мраке одинокий путь казался жутковатым, и Герс невольно прибавил шаг. Он не знал, что именно «Оуэн» выбрал в качестве конечной точки — заброшенный склад топлива, пресный источник или просто защищенную от ветра пещеру. Стараясь надеяться на лучшее, он упрямо шагал вперед, пока из серой мглы мертвой пустоши внезапно не проступили четкие контуры рукотворного строения. От неожиданности Шлиффен едва не споткнулся.

Какого черта? Посреди забытого богом куска скалы, населенного лишь примитивной кремниевой травой, возвышалось капитальное здание. Шлиффен даже не подумал будить

искин — его взгляд намертво приковала потемневшая металлическая табличка возле массивного входа. На тусклом, покрытом царапинами металле отчетливо читалась гравировка:

Астрономическая станция мониторинга SWEEPS-98167[7]

Если судить по траектории его полета, система Освальд должна находиться где-то в относительном соседстве. Но Герс, сколько себя помнил, никогда не слышал, чтобы в этом секторе функционировали подобные аванпосты научного ведомства.

Шершавые бетонные стены давно потеряли первоначальный цвет под слоями наносной пыли. По фасаду змеились глубокие трещины, местами обнажая ржавые ребра арматуры. Станция выглядела заброшенной уже не первый десяток лет. Герс замер у порога, прислушиваясь к завыванию ветра. Помедлив секунду, он бесшумно извлек из кобуры табельный пистолет.

Тяжелая створка поддалась без скрипа — замок был сломан или предусмотрительно отключен. Затаив дыхание, он скользнул внутрь.

Внутри царил непроглядный мрак. Просторный вестибюль встретил его гулким эхом и запустением. Дорогостоящее научное оборудование вывезли подчистую, оставив на растерзание времени лишь обрезки кабелей да ржавые каркасы распределительных щитов. Герс переключил фонарь на узкий, едва заметный луч и тщательно исследовал пол. Никаких свежих следов, пустых пайков или обрывков одежды. Меньше всего ему хотелось наткнуться на схрон контрабандистов или логово пиратов — оставшись без связи и поддержки, раненый лейтенант стал бы легкой добычей. Однако здравый смысл подсказывал, что это действительно заброшенный аванпост. Для Шлиффена он мог стать спасительной гаванью: крыша над головой, защита от ледяной ночи и шанс дожидаться поискового отряда. Идти ему все равно было некуда.

Строение оказалось одноэтажным и сравнительно небольшим. Шлиффен методично зачищал комнату за комнатой. В редких узких иллюминаторах чернота застыла монолитной стеной — ночь окончательно вступила в свои права. На его импровизированной карте оставался неисследованным лишь центральный зал. Если там пусто, убежище можно считать безопасным. Герс погасил тактический экран на запястье, перехватил пистолет поудобнее и, сделав глубокий вдох, пинком распахнул тяжелую дверь центрального отсека.

Мрак мгновенно рассеялся. От резкого, залившего зал неоновго-голубого света Герс невольно зажмурился.

Прямо посреди стерильной чистоты зала в автоматическом инвалидном кресле сидел человек. Молодой брюнет с глубокими темными глазами неподвижно застыл в полумраке, безмолвно и пристально глядя на незваного гостя. Он казался безжизненным манекеном.

— Ни с места! — Шлиффен вскинул оружие, зрачки его сузились до предела. С тихим щелчком предохранитель пистолета скользнул вниз.

<http://bllate.org/book/18311/1756262>